

Министерство
Кавказской Кубанской
(С. А. Диница)

Исторический
архив

13-4V 91(0)

ДЧБ

Ставропольская
красная
библиотека

Н. Диница

Ущелье Кодора.

Во второй половинѣ юня 1902 года я съѣзъ въ Новороссійскѣ на пароходъ съ тѣмъ, чтобы отправиться на пемъ въ Сочи. Здѣсь я думалъ прожить нѣсколько дней, употребивъ ихъ на осмотръ сосѣднихъ съ этимъ пунктомъ мѣстъ, а затѣмъ перебраться въ Сухумъ и оттуда предпринять поѣздку въ необыкновенно живописную и покрытую богатѣйшей растительностью долину или, правильнѣе, ущелье Кодора. Я рѣшилъ осмотрѣть это ущелье почти на всемъ его протяженіи до самаго перевала въ долину р. Теберды, принадлежащей уже Кубанской области, исключивъ изъ своего маршрута только самыя низовья Кодора.

Въ Новороссійской бухтѣ, гдѣ стоялъ нашъ пароходъ, море было покойно, но въ городѣ и надъ бухтой дуть уже довольно сильный западный вѣтеръ; по этой причинѣ въ открытомъ морѣ можно было ожидать порядочнаго волненія. Жители Новороссійска даже подтрунивали надъ нами, говоря, что намъ придется сверхъ желанія проѣхать до самаго Батума, такъ какъ пароходъ вслѣдствіе качки не зайдетъ ни въ одинъ изъ пунктовъ, лежащихъ на кавказскомъ побережьѣ Чернаго моря между Новороссійскомъ и Батумомъ. Это, какъ мы увидимъ сейчасъ, оправдалось въ очень значительной степени. Изъ Новороссійска пароходъ вышелъ не въ 4 часа, какъ полагалось по расписанію, а въ 6. Въ Геленджикскую бухту мы вошли засвѣтло, высадили здѣсь нѣсколькихъ пассажировъ, взявъ ихъ приняли другихъ и выгрузили багажъ; но когда, часъ спустя, снова вышли въ открытое море, пароходъ стало качать уже гораздо сильнѣе, волны начали иногда влетать на палубу и обдавать брызгами пассажировъ. Путешествіе при такихъ условіяхъ не обошлось, конечно, безъ многого курьезовъ, а для

Ставропольская

и некоторых было настоящим мучением: я же в это время чувствовал себя счастливым, так как никогда не был подвержен морской болѣзни.

Ночью пароход подошел къ Туапсе, но ни одна фелюга не вышла къ нему. Это, впрочемъ, было бы и безполезно, такъ какъ сойти съ парохода, вследствие очень сильнаго волненія, оказалось бы невозможнымъ. Такимъ образомъ, вся публика, ѣхавшая въ Туапсе, могла только издали посмотреть на его маякъ и фары, и должна была отправиться дальше. Съ Сочи мы поровнялись на разсвѣтъ, но и здѣсь высадиться не было никакой возможности; по этой причинѣ и мнѣ приходилось ѣхать дальше, чѣмъ я предполагалъ. Подобнымъ же образомъ мы миновали Адлеръ и Гагры. Около Гудауты море было нѣсколько покойнѣе, и къ нашему пароходу подошли двѣ фелюги, но ставшій на якорь пароходъ такъ сильно качался, что послѣднія ступеньки его трапа то опускались въ воду ариина на полтора, то еще больше поднимались надъ поверхностью ея. Фелюги въ это время прыгали и качались на волнахъ, конечно, еще гораздо сильнѣе, чѣмъ большой морской пароходъ. Само собою разумѣется, что лишь немногіе изъ пассажировъ рѣшились при такихъ условіяхъ высадиться съ парохода. Спусти нѣсколько дней, и узналъ, что одна изъ подходившихъ къ нашему пароходу фелюгъ была опрокинута у самаго берега и всѣ, сидѣвшіе въ ней, выкупились въ морѣ.

На Новомъ Афонѣ высаживаться было удобнѣе, и многіе изъ ѣхавшихъ въ Туапсе, Сочи, Гагры и Гудауты сошли здѣсь съ парохода, но багажъ ихъ не былъ выгруженъ и отправился въ Батумъ. Такъ какъ на Новомъ Афонѣ я бывалъ уже не разъ, то находилъ болѣе удобнымъ для себя отправиться теперь же на пароходѣ прямо въ Сухумъ, т. е. ближе къ долинѣ Кодора, главной цѣли моего путешествія. Около Сухума, гдѣ море вдается въ материкъ, образуя нѣчто вродѣ бухты, волненіе было уже гораздо слабѣе и всѣ, желавшіе высадиться съ парохода, могли сдѣлать это безъ всякаго затрудненія. Здѣсь же сошли на берегъ мои ставропольскіе знакомые П. И. Шалфевъ и его жена, направлявшіеся въ Туапсе. Благодаря этому обстоятельству имъ пришлось побывать вмѣстѣ со мною на свѣтахъ въ верховьяхъ Кодора.

Въ Сухумѣ, этотъ дивный уголокъ Кавказа, я также понаѣлъ не въ первый разъ, но тѣмъ не менѣе не могъ отказать себѣ въ удовольствіи прожить въ немъ дня два, побродить по окрестностямъ города и полюбоваться его необыкновенно богатой и раз-

нообразной растительностью. Очувившись въ лѣтніе мѣсяцы въ Сухумѣ, можно подумать, что находишься гдѣ-нибудь въ тропическихъ странахъ съ сырымъ жаркимъ климатомъ и роскошной природой. Магноліи (*Magnolia grandiflora*) съ бѣлыми цвѣтами, величинною почти въ тарелку, бигноніи (*Bignonia catalpa*), павлонія (*Pawlonia imperialis*) съ листьями почти въ квадратный футъ, эвкалиптусы, шелковыя акаціи (*Acacia julibrissin*) съ красивыми, какъ-бы пушистыми розовыми цвѣтами и пригнупленными кронами, *Acacia melanoxylon*, гледичія, смоковницы (инжиръ) толщиною въ цѣлый обхватъ, высокіе стройные темно-зеленыя кипарисы, волошскіе орѣхи и олеандры растутъ всюду внутри города, образуя чуть не цѣлые лѣса. Къ нимъ принадлежатъ еще итальянскія сосны, различные виды туи и другихъ хвойныхъ деревьевъ, а также лавры, лавровишни, виноградная лоза, американскій нестролистный кленъ (*Acer Negundo fol. variegata*), самшитъ, юкки и многія другія растенія, свойственныя теплымъ, даже полутропическимъ странамъ.

Сухумѣ, можно сказать, утопаетъ въ зелени. Растительность здѣсь какъ будто-бы хочетъ завладѣть всею пространствомъ и покрываетъ улицы, дворы, плетни, заборы, стѣны домовъ, стволы деревьевъ, камни и т. д. На улицахъ только самая середина, по которой постоянно ходитъ и ѣздятъ, остается непокрытой зеленью, по сторонамъ-же ея всюду растутъ трава, бурьянъ, молодая деревца, мхи и даже папоротники, которые, какъ извѣстно, любятъ самыя сырыя, тѣнистыя мѣста.

Еще болѣе разнообразную и богатую растительность мы встрѣчали въ садахъ Сухума. Здѣсь растутъ огромными кустами олеандры, китайскія розы, платаны, пальмы (*Chamaerops excelsa*), масличныя деревья, гималайскія кедры, криптомерія (*Cryptomeria elegans*), куннингамія и т. д., а кое-гдѣ можно встрѣтить бамбукъ, пробковый дубъ, тюльпанное дерево, сахарный тростникъ, камфарное дерево и агавы съ листьями длиною сажени въ двѣ. Все это, конечно, и зимуетъ въ грунтѣ, на открытомъ воздухѣ, причеъ лишь немногія растенія, какъ, напр., пальмы и агавы, требуютъ обвязыванія на зиму. Многіе дома Сухума совсѣмъ не видны за кипарисами, туями, павлоніями, бигноніями, эвкалиптусами и другими деревьями.

Не менѣе поразить насъ могучій ростъ травъ, лианъ и всевозможныхъ сорныхъ растеній, если мы отправимся на окраины Сухума или выйдемъ за предѣлы его. По лѣсу безъ ножа или то-

нора здѣсь нельзя сдѣлать даже нѣсколькихъ шаговъ, такъ какъ лианы, къ которымъ принадлежатъ обвойникъ (*Periploca graeca* L.), ломоносъ (*Clematis*), *Smilax excelsa* L., виноградъ и нѣкоторыя другія, перебрасываютъ свои длинные гибкіе стебли съ дерева на дерево и густой сѣтью переплетаютъ все ихъ вѣтви. Ими оплетены также изгороди, стѣны, плетни и т. д. Рядомъ съ лианами растетъ масса кустарниковъ, вооруженныхъ необыкновенно острыми, крѣпкими и загнутыми колючками. Къ нимъ принадлежатъ упомянутая уже *Smilax excelsa*, шиповникъ и ожина (*Rubus discolor*), которые встрѣчаются буквально на каждомъ шагѣ. Колючее держи-дерево (*Paliurus aculeatus* Lam.) около Сухума мнѣ не попадалось, хотя, кажется, оно растетъ здѣсь у берега моря. Вѣроятно, оно встрѣчается рѣдко въ этихъ мѣстахъ вълѣдствие ихъ очень влажнаго климата. Не видѣлъ я здѣсь и сумаха (*Rhus Cotinus* L.), который въ большомъ количествѣ встрѣчается около Новороссійска, Туансе, Новаго Афона и т. д. Травянистая бузина (*Sambucus Ebulus* L.) образуетъ около Сухума сплошныя заросли, обыкновенная крапива растетъ вѣтвистыми кустами высотой сажени въ двѣ и иногда имѣетъ стебли толщиной въ палецъ. Ромашка и дурманъ также достигаютъ огромныхъ размѣровъ. То-же можно сказать и про сочную красивую белладону. Колючіе и крѣпкіе стебли ожины имѣютъ перѣдко толщину въ ружейный стволъ, взбираются на деревья, самыя высокія стѣны и изгороди и, свѣшиваясь съ нихъ, образуютъ каваты и плетни длиной сажени въ 3—4, вооруженные въ буквальномъ смыслѣ страшными опасными колючками. Въ лѣсахъ около Сухума растетъ дубъ, кленъ остролистный (*Acer platanoides* L.) и полевой (*A. campestre* L.) ясенъ съ очень жирными вѣтвями и крупными листьями, лѣща, орѣшникъ, дикая яблоня (вишня), букъ (*Fagus orientalis* Lipsky), грабъ, плакучая ива, нѣсколько видовъ вербы, чернопольха и т. д. На опушкахъ лѣсовъ, вблизи города, очень часто попадается бѣлая акація и гледичія. Обѣ, вѣроятно, въ одичаломъ состояніи. Каштановъ (*Castanea vulgaris* Lam.) въ лѣсахъ, окружающихъ Сухумъ, также очень много. Довольно часто попадается здѣсь земляника, но плоды ея совершенно безвкусны и лишены запаха. Къ растеніямъ, играющимъ немаловажную роль въ здѣшнихъ мѣстахъ, принадлежитъ папоротникъ-орлякъ (*Pteris aquilina* L.). Онъ любитъ солнце.—вотому, въ противоположность другимъ папоротникамъ, растетъ не въ лѣсу, а во преимуществу на полянахъ и опушкахъ. Земледѣльцу и огороднику

приходится вести съ этимъ чрезвычайно быстро разрастающимся растеніемъ самую упорную борьбу. Тучныя почвы Сухума имѣютъ во многихъ мѣстахъ красновато-желтый цвѣтъ и въ этомъ отношеніи сильно напоминаютъ красныя латеритныя почвы влажныхъ тропическихъ странъ вродѣ Явы, Цейлона и т. д. Эти почвы въ Сухумѣ, однако, не такъ распространены и не имѣютъ такой яркой окраски, какъ почвы окрестностей Батума.

Сухумъ расположенъ подъ 43° с. ш., совершенно открытъ съ юга и защищенъ высокими горами съ сѣвера. Онъ и его ближайшія окрестности принадлежатъ, какъ извѣстно, къ самымъ теплымъ и наиболѣе влажнымъ мѣстамъ Кавказа. Среднее годовое количество атмосферныхъ осадковъ въ немъ равняется 1231 мм. (набл. за 14 л.), а въ нѣкоторые годы оно превосходитъ даже 1500 мм. Такимъ образомъ, въ отношеніи количества осадковъ Сухумъ уступаетъ только немногимъ пунктамъ Кавказа, напр., Батуму (2370 мм.), Поти (1613,6 мм.), Зугдидамъ, Сочи (2072) и Туансе (1757). Въ теченіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ въ Сухумѣ выпадаетъ среднимъ числомъ 278 мм. влаги, весною 291, лѣтомъ около 323, осенью около 337. Но отъ этихъ среднихъ цифръ бывають иногда очень сильныя отклоненія, особенно въ отличныя мѣсяцы. Напр., въ январѣ 1886 г. въ Сухумѣ выпало осадковъ 31 мм., въ 1889 г.—70 мм., въ 1888—218 мм., а въ 1898—258 мм. Подобныя-же контрасты наблюдаются и въ другія времена года.

Сухумъ вмѣстѣ съ Кутансомъ принадлежитъ къ самымъ теплымъ пунктамъ всего Кавказа. Средняя годовая температура Сухума равняется 14,9° С. Въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ Поти (14,5°), Батумъ (14,7°), Ленкорань (14,6°), не говоря уже о прочихъ наиболѣе теплыхъ пунктахъ Кавказа. Только одинъ Кутансъ имѣетъ такую-же среднюю годовую температуру, какъ Сухумъ, т. е. 14,9°. Къ особенно благоприятнымъ особенностямъ климата Сухума относится теплая, какой нѣтъ на всемъ Кавказѣ, зима. Январь имѣетъ здѣсь среднюю температуру 6,7°. Эта температура почти на 1° выше средней январской температуры Батума (5,9°) и сдѣшкомъ на 2° превосходитъ январскую температуру Кутанса. Самый теплый мѣсяць въ Сухумѣ августъ. Средняя температура его равняется 24,2°. Въ этомъ отношеніи Сухумъ уступаетъ даже нѣкоторымъ пунктамъ Сѣвернаго Кавказа, напр., Екатеринюдару (25°), Грозному (24,4°), Дербенту (25°), а тѣмъ болѣе Эривани (25°), Аралуху (26,5°), Баку (25,9°) и Ленкорани

(25,3). Средняя температура июля в Сухумъ равняется 22,2°, а июня 20°. И в эти мѣсяцы, слѣдовательно, в Сухумъ прохладнѣе, чѣмъ в очень многихъ пунктахъ какъ Закавказья, такъ и Сѣвернаго Кавказа, напр., в Ейскѣ, лежащемъ почти на 4° сѣвернѣе Сухума, в Екатеринодарѣ и т. д. Замѣтимъ еще, что температура самаго теплаго мѣсяца в Сухумѣ отличается отъ температуры самаго теплаго мѣсяца тропическихъ странъ всего лишь градусомъ на 2 или 2½ (Камерунъ, находящийся почти подъ самымъ экваторомъ, имѣетъ температуру самаго теплаго мѣсяца в 26,5°, а Рио-Жанейро 26,5° и т. д.). Такимъ образомъ, климатъ Сухума отличается очень теплымъ, но не знойнымъ лѣтомъ и очень теплой сравнительно съ прочими мѣстами Кавказа зимой. Это в связи съ огромнымъ количествомъ атмосферныхъ осадковъ является самымъ благоприятнымъ условіемъ для развитія в немъ той богатой растительности, о которой уже было сказано.

Птицъ около Сухума сравнительно немного. И видѣлъ здѣсь городскихъ и деревенскихъ ласточекъ (*Hirundo urbica* и *Cecropis rustica*), вороньевъ, воронъ обыкновенныхъ, иволгъ, черныхъ дроздовъ (*Merula vulgaris*), обыкновенныхъ воробьевъ (*Passer domesticus*), сорокоуговъ, жулановъ (*Empidonax collurio*), славокъ, пѣночекъ, горныхъ овсянокъ (*Emberiza cia*), поползвей (*Sitta caesia*) и забликовъ. Замѣчательно, что здѣсь вовсе не видно соекъ, которыя встрѣчаются во всѣхъ мѣстахъ Кавказа. Надъ моремъ около Сухума часто поселятся различные породы утокъ и цапокъ.

Пресмыкающихся около Сухума, какъ и вездѣ почти на западномъ Кавказѣ, сравнительно мало или, по крайней мѣрѣ, гораздо меньше, чѣмъ в сухой и знойной восточной половинѣ Кавказа. Змѣй и вовсе не видѣлъ ни вблизи Сухума, ни в долинѣ Кедора, несмотря на то, что имѣю порядочный навыкъ замѣчать и отыскивать ихъ при всякой обстановкѣ; но нѣкоторыя изъ змѣй, какъ, напр., обыкновенные ужи и, вфронтно, гадюки должны водиться здѣсь. Около Сухума часто попадается зеленая ящерица (*Lacerta viridis* L.); кромѣ того и видѣлъ в окрестностяхъ его желтопузиковъ (*Pseudopus Pallasii*). Ихъ можно часто встрѣтить грѣющимися на солнцѣ по шоссе, гдѣ они при приближеніи челоука стараются скрыться в кучахъ камней, заготовленныхъ для ремонта дороги. Одного довольно толстаго и имѣвшаго болѣе аршина в длину желтопузика мнѣ удалось поймать на шоссе въ то время, когда со мною не было ни мѣшка, ни баяки, в которые можно было бы посадить это животное, и я принужденъ былъ

пронести его въ рукавъ версты три. Тутъ я убѣдился, какой большой силой обладаетъ оно: я едва довезъ желтонулика до дома, такъ какъ мои руки оцѣпали отъ усилія удержать это непрерывно извивавшееся и стремившееся выскользнуть изъ руки животное.

Къ сѣверу отъ Сухума на невысокой горѣ находится развалины турецкой крѣпости, а немного выше нихъ открывается довольно обширная равнина, представляющая какъ-бы плоскогорье. Вся она покрыта дѣлмъ дѣсомъ наперотника-орляка (*Pteris aquilina*). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ достигаетъ такой высоты, что почти скрываетъ человека, ѣдущаго на лошади. Здѣсь-же растетъ много травянистой бузины (*Sambucus Ebulus*). Интересны также стѣны полуразрушившейся крѣпости. Онѣ такъ заплетены со всѣхъ сторонъ различными вьющимися и колючими растениями, толстия насмы которыхъ кромѣ того дѣлзуть наружу, къ свѣту, черезъ всѣ щели, окна и двери, что самыхъ стѣнъ почти не видно за ихъ зеленью. Мѣстность около крѣпости интересна еще въ томъ отношеніи, что съ нея открывается очень красивый видъ съ одной стороны на Сухумъ и море, а съ другой на дѣлстныя горы и ущелья, лежація къ сѣверу отъ Сухума.

Изъ окрестностей Сухума замѣчательны особенно дача Вел. Кн. Александра Михайловича (бывшаго А. Н. Веденскаго) и садъ Ноева. О нихъ, конечно, слышалъ и знаетъ каждый. Очень интересенъ и ботаническій садъ, находящійся въ самомъ городѣ. Замѣтимъ вообще, что въ Сухумѣ такъ хорошо растутъ самые разнообразныя и очень красивыя кустарники и деревья теплыхъ странъ, что цвѣтоводство въ тѣпломъ смыслѣ этого слова здѣсь почти не занимается.

Пробраться изъ Сухума въ долину Кодора удобнѣе всего черезъ сел. Ольгинское и бывшее укрѣпленіе Цебельдинское, причемъ можно первыя версты 25, т. е. до Ольгинскаго селенія проѣхать въ фазтовѣ или на линейкѣ по шоссеиной дорогѣ, а дальнше продолжать путь верхомъ. Верховыхъ лошадей мы рѣшили нанять въ упомянутомъ уже селеніи, но, какъ оказалось, сдѣлали въ этомъ отношеніи большую ошибку, потому что въ Сухумѣ можно было бы найти гораздо лучшихъ лошадей и проводниковъ.

Сдѣлавши порядочный запасъ провизіи, мы выѣхали изъ Сухума на простой линейкѣ часовъ въ 9 утра по шоссеиной дорогѣ, ведущей вдоль берега моря къ Обургеамъ. Около самаго Сухума намъ пришлось переѣхать черезъ небольшую, очень тихо текущую рѣчку Бесла (Беслетку), которая подучаетъ начало на дѣл-

стихъ горахъ верстахъ въ 20 отъ Сухума. Еще полчаса спусти, мы должны были переѣзжать по мосту черезъ другую, гораздо большую рѣчку Келассури. Оба берега ея на очень большомъ протяженіи были завалены горами камня, перемѣшаннаго со щебнемъ, пескомъ и грязью. Здѣсь-же валялись карчи и большія деревья, смытыя водой, съ неуспѣвшими еще завянуть листьями. Это показываетъ, что во время дождей въ горахъ Келассури превращается въ огромный бѣшеный горный потокъ, который въ своемъ стремленіи къ морю съ неудержимой силой размываетъ берега и споситъ камни, деревья, кусты, песокъ и т. д. Очепь длинный, далеко превышающій ширину рѣчки старый деревянный мостъ и еще болѣе длинный строящійся рядомъ съ нимъ новый желѣзныи показываютъ, что рѣчка размывается во время дождей очень сильно. Надо замѣтить, что Главныи Кавказскій хребетъ, имѣющій противъ этихъ мѣстъ среднюю высоту въ 10000 футовъ, отстоитъ отъ моря всего лишь на 50 верстъ,—поэтому всѣ здѣшнія рѣчки отличаются огромнымъ паденіемъ русла и текутъ необыкновенно быстро*). Во время дождей въ горахъ быстрота теченія ихъ, конечно, еще увеличивается въ значительной степени. Этимъ объясняется и значительная глубина и крутизна ущелій Сухумскаго округа.

Келассури представляетъ сравнительно длинную рѣчку, которая получаетъ начало всего лишь верстахъ въ семи отъ горы Капнистры, принадлежащей Главному Кавказскому хребту. Вытекаетъ она, однако, не изъ Главнаго хребта, а изъ его отроговъ, которые простираются между истоками Бзыби и Гумнеты съ одной стороны и истоками Чхалты и Амтвела съ другой. Обѣ послѣднія впадаютъ въ Кодорь, а Келассури въ Черное море верстахъ въ шести отъ Сухума.

До рѣчки Маджары, третьей встрѣтившейся намъ на пути, шоссе тянется недалеко отъ берега моря; у устьевъ-же Маджары на 8-ой верстѣ отъ Сухума отъ него отдѣляется вѣтвь, которая поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ къ сѣверо-востоку и направляется въ глубь горъ. По ущелью Маджары шоссеиная дорога тянется на довольно значительномъ протяженіи (верстъ на 15). Ущелье этой рѣчки извилисто, глубоко и очепь узко. Горы, окружающія его, поднимаются на тысячу или тысячи на полторы фу-

*) Бзыбь и Кодорь на разстояніи въ 120 в. имѣютъ паденіе русла въ 7000 ф.

товъ надъ рѣчкой. Оны очень красивы и, несмотря на то, что состоятъ изъ скалъ, почти сплошь покрыты растительностью, состоящей изъ самыхъ разнообразныхъ деревьевъ и кустарниковъ. Самыя скалы, окаймляющія ущелье, во многихъ мѣстахъ тоже очень красивы, особенно на 20-ой веретѣ отъ Сухума. Оны состоятъ изъ бѣлой известковой или мергелистой породы и образуютъ во многихъ мѣстахъ красивые изгибы въ видѣ правильныхъ дугъ, а также складки и сдвиги. Эти скалы поднимаются отвѣсными стѣнами, а кое гдѣ даже сильно нависаютъ. Въ одномъ такомъ мѣстѣ съ нихъ свѣшиваются, красиво качаясь въ воздухѣ надъ самымъ шоссе, пасмы плюща толщиной въ цѣлый обхватъ и длиной сажень въ 7—8. Вообще здѣшнія скалы и камни, благодаря необыкновенному обилію влаги и очень высокой температурѣ, часто бываютъ украшены самыми роскошными газонами изъ папоротниковъ и другихъ травъ. Растутъ они особенно густо, пышно и, кромѣ того, отличаются необыкновенной свѣжестью и ярко-зеленымъ цвѣтомъ тамъ, гдѣ изъ скалъ сочится вода и оны сильно освѣщаются солнцемъ. Замѣтательное разнообразіе представляютъ на такихъ мѣстахъ папоротники. Здѣсь попадается *Pteris aquilina* L., *Struthiopteris germanica*, *Aspidium Filix Mas* Sw., *Cistopteris fragilis* Bernh., *Asplenium Trichomanes* L., *Aspl. septentrionale* Sw. и т. д. Изъ древесныхъ и кустарныхъ породъ въ ущельѣ Маджары встрѣчается очень часто самшитъ или кавказская пальма (*Buxus sempervirens* L.), которая во многихъ мѣстахъ образуетъ даже сплошныя заросли; она растетъ красивыми деревцами сажени въ 3—4 высоты. Очень много попадается ижжиря (*Ficus carica* L.), каштановы, вяза, граба, ясени, дуба, липы, кизила (*Cornus Mas*) ситники (*C. sanguinea* L.), червоольхи, бересклета, кое гдѣ растетъ плачущая ива (*Salix babylonica* L.) и т. д. Здѣшніе лѣса необыкновенно густы и страшно заплетены лианами. Изъ нихъ особенно замѣтельна *Pegiplosa graeca* L., стебли которой имѣютъ видъ свѣтло-сѣрыхъ веревокъ или канатовъ, достигаютъ длины болѣе десятка сажень и перекидываются на значительное разстояніе съ дерева на дерево. Другая лиана—домопосъ (*Clematis*) часто заплетаетъ деревья и кустарники такой густой свѣтло-зеленою и пучками бѣлыхъ цвѣтовъ совсемъ не видно растенія, которое служить ему подперой. *Smilax*, виноградъ, ежевика и хмѣль также попадаются на каждомъ шагѣ. Особеннымъ украшеніемъ этихъ лѣсовъ является плющъ, обращающій на себя вниманіе въждю, посѣтившаго эти мѣста. Оны встрѣчается очень

часто и такъ густо обвиваетъ большія деревья на протяженіи нѣсколькихъ саженъ отъ земли, что стволы ихъ за листьями почти дѣлаются совсѣмъ невидимыми и превращаются въ высокія колонны, сплошь обвитыя зеленью. Вершины и гроби горы, окружающія ущелье Маджары, покрыты высокоствольными буквыми лѣсомъ. Въ этомъ ущельѣ находится довольно много табачныхъ плантацій, причемъ всѣ онѣ расположены на очень крутыхъ косогорахъ. Вѣроятно, на болѣе ровныхъ мѣстахъ табакъ здѣсь вымокаетъ.

Птиць въ этомъ ущельѣ сравнительно мало. Кромѣ видѣнныхыхъ въ Сухумѣ намъ понадалѣе обыкновенная и горная плиски (*Motacilla alba* L. и *M. boarula* L.), сойки (*Geophylus Krinickii* Kelen.), зяблики и щеглы. Изъ класса пресмыкающихся мы видѣли на скалахъ всего лишь около десятка красныхъ горныхъ ящериць (*Lacerta muralis* Laur.). Проѣзжая по ущелью Маджары въ полуденные часы, мы не находили, чтобы въ немъ было чересчуръ жарко, но ощущали какую-то особенную, тепличную духоту и сырость; другими словами, здѣсь какъ-то парить, точно въ банѣ. Это, конечно, указываетъ на то, что воздухъ ущелья Маджары отличается очень большою влажностью.

Часа въ два пополудни мы остановились недалеко отъ духана, до котораго ходитъ обыкновенно омнибусъ и линейки съ пассажирами, проѣзжающими изъ Сухума въ Цесенлау. До этого духана, отстоящаго отъ Сухума на 24 версты, были напять и напять извозчикъ. Хотя кромѣ духана здѣсь находится нѣсколько хатъ другихъ построекъ и, наконецъ, большая лавка, въ которой продаются самые разнообразныя предметы, начиная отъ подковъ и гвоздей и кончая различными матеріями и съѣстными продуктами, тѣмъ не менѣе мы не могли найти для себя сколько-нибудь спосаваго помѣщенія, гдѣ можно было-бы сложить вещи и помѣститься самимъ, пока намъ удастся найти верховыхъ лошадей и проводника для дальнѣйшаго путешествія въ горы. Такъ какъ духанъ и лавочка находятся на бойкомъ мѣстѣ, гдѣ сходятся нѣсколько дорогъ, и у самаго шоссе, то около нихъ всегда толпится много всякаго народа: армянь, грековъ, турокъ, мингрельцевъ и т. д. Всѣ они, какъ извѣстно, любятъ говорить очень много и въ разговорѣ стараются всегда перекричать другъ друга, поэтому шумъ и гвалтъ стоитъ здѣсь невообразимый. Въ день нашего прѣзда—въ воскресенье онъ былъ, конечно, еще сильнее, чѣмъ въ другіе дни недѣли. Для меня онъ былъ особенно неприятенъ, такъ какъ я,

отиравляясь въ самыя глухія мѣста горъ, мечтаю всегда о томъ, чтобы избавиться отъ всякаго шума, суеты и отдохнуть на донѣ природы. На нашу бѣду нигдѣ по-близости не обазалось полянки, на которой можно было-бы поставить палатку или расположиться на травѣ подъ деревомъ и подалее отъ этой толпы. Съ трудомъ удалось намъ выхлопотать въ свое распоряженіе какую-то вышку, открытую со всѣхъ четырехъ сторонъ и защищенную лишь сверху дощатою крышею: въ ней на глазахъ всей толпы мы должны были закусывать, пить чай, а затѣмъ раскладывать свои вещи по переметнымъ сумамъ, чтобы продолжать путешествіе верхомъ. Еще больше пришлось намъ потрудиться, чтобы добыть лошадей и проводника—иблиаго грека, который, къ слову сказать, оказался въ первый-же день никуда негоднымъ.

Духанъ со всѣми обрुжающими его постройками расположенъ на высотѣ приблизительно 300 метровъ надъ уровнемъ моря и въ очень небольшомъ разстояніи отъ селенія Ольгинскаго, возникшаго еще въ 1868 году*).

Ольгинское растянулось по холмистой мѣстности выше духана еще метровъ на 70. Оно заключаетъ въ себѣ всего лишь 25 дворовъ, имѣетъ церковь и населено исключительно греками. Такъ какъ около духана намъ пришлось простоять, ожидая лошадей, часа 4, то я въ это время успѣлъ побродить по ближайшимъ къ нему окрестностямъ и ознакомиться съ ихъ природой, а кромѣ того собрать кое-какія свѣдѣнія отъ жителей о здѣшнихъ мѣстахъ.

Вблизи духана въ довольно глубокой развѣлинѣ течетъ небольшая рѣчка—одинъ изъ истоковъ Маджары. Скалы, обрुжающія ее, состоятъ изъ известняковъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимаютъ на поверхности красивую розоватую окраску. Рѣчка образуетъ здѣсь нѣсколько маленькихъ водонадовъ и одинъ довольно большой. По сторонамъ ея всюду тинется лѣсъ, въ которомъ встрѣчается тисъ или пегвой (*Taxus baccata* L.), кизиль, свидина (*Cornus sanguinea* L.), груша, орѣшникъ, бересклетъ, черноольха, самшитъ, *Staphylea pinnata* L. и т. д. На скалахъ и здѣсь растетъ много напоротниковъ и толстянокъ (*Sedum*, *Crassula*), а въ лѣсу встрѣчается морозникъ (*Helleborus abchasicus* A.Br.).

*) Ольгинское, Георгиевское и нѣкоторыя другія селенія этой мѣстности были основаны вскорѣ послѣ предпоследняго востанія абхазовъ 1865 г. и населены греками.

Изъ зверей водятся, по словамъ мѣстныхъ жителей, медвѣди, дикіе кабаны, волки, шакалы, куницы и дикія козы. Однажды, какъ сообщали мнѣ, охотники убили здѣсь тигра. Безъ сомнѣнія, это была пантера (*Felis pardus tulliana*), встрѣчающаяся довольно часто во всѣхъ лѣсныхъ мѣстностяхъ Кавказа. Что касается оленей, то они въ этихъ мѣстахъ не живутъ, но встрѣчаются, хотя и въ ограниченномъ количествѣ, на лѣсныхъ горахъ вблизи Главнаго хребта. Куницы, доставляющихъ хорошия мѣхъ, здѣсь довольно много, и ловлю ихъ занимаютъ по-преимуществу абхазцы.

Отъ жителей я собралъ и кое-какія свѣдѣнія о климатѣ этихъ мѣстъ. Они говорили мнѣ, что зимы у нихъ бываютъ довольно продолжительны и очень снѣжны, но относительно теплы. Снѣгъ лежитъ обыкновенно мѣсяца два, а въ нѣкоторые годы мѣсяца четыре и глубина его доходитъ перѣдко до сажени; но сильныхъ морозовъ никогда не бываетъ. Во всемъ этомъ, конечно, видно вліяніе близости моря и рядомъ съ нимъ высокихъ горъ, холодныя вершины которыхъ спускаютъ и выдѣляютъ изъ воздуха много водяныхъ паровъ.

Часа за два до захода солнца намъ удалось, наконецъ, къ великому нашему удовольствію, расширяться съ духаномъ и его обычными восѣтителями и двинуться въ дальнѣйшій путь. Ольгинское селеніе осталось у насъ влѣво, т. е. на западѣ, а дорога наша потянулась на востокъ между хлѣбными полями, засѣянными исключительно кукурузой. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Ольгинскаго селенія мы проѣзжали мимо имѣнія Марамба *), принадлежащаго графинѣ Толстой, а когда начало уже смеркаться, добрались до селенія Краснинскаго, гдѣ въ виду поздняго времени и ожидавшагося дождя должны были остановиться на ночлегъ.

За Краснинскимъ дорога идетъ по очень холмистой, переѣченной мѣстности. Вдали отъ нея всюду видны красныя горы, покрытыя густыми лѣсами, а вблизи тянется болѣе ровныя мѣста, засѣяныя овсомъ и кукурузой. Кое-гдѣ и здѣсь находятся табачныя плантаціи. Недалеко отъ дороги растутъ волошскіе орѣхи и тѣпистыя липы, а паворотникъ-орлякъ хотя и встрѣчается, но уже въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ вблизи моря. Въ нѣсколь-

*) Во время кавказской войны здѣсь находилось небольшое укрѣпленіе.

нихъ верстахъ отъ селенія Краснинскаго начинается очень крутой и довольно длинный спускъ къ рѣчкѣ Амткель *), впадающей въ Кодоръ около бывшаго Цебельдинскаго укрѣпленія **). Эта рѣчка получаетъ начало изъ горъ вблизи Главнаго хребта, имѣетъ довольно большую величину и течетъ въ меридіональномъ направленіи. Ущелье ея очень красиво и окружено высокими лѣсными горами, а берега рѣчки завалены грудями камней. Въ Амткель впадаетъ съ лѣвой стороны довольно большая рѣчка Джамболъ-Амткель и еще нѣсколько меньшихъ притоковъ. Течетъ Амткель очень быстро и воды въ немъ настолько много, что переѣхать черезъ него верхомъ можно лишь тамъ, гдѣ онъ широкъ и разбивается на рукава. По долинѣ Амткела растутъ лучшіе на Кавказѣ пальмовые лѣски.

Довольно много земли въ этой мѣстности, известной подъ общимъ именемъ Цебельды, принадлежитъ богатымъ людямъ, живущимъ по-преимуществу въ предѣлахъ Кавказа. На Амткелѣ и Джамболѣ находится, напр., имѣніе гр. Бобринскаго, которое заключаетъ въ себѣ, какъ рассказывали мнѣ, 7000 десятинъ земли. На немъ живетъ болѣе 100 дворовъ грековъ, занимающихся земледѣліемъ. Ниже этого имѣнія находится упомянутое уже имѣніе гр. Толстой. Вблизи спуска къ Амткелу находится довольно порядочный кусокъ земли, обнесенный изгородью; на немъ выстроено нѣсколько большихъ зданій, принадлежащихъ лѣсопромышленникамъ Максимовымъ. Недалеко отъ этихъ мѣстъ расположено также селеніе Полтавское, населенное русскими. Оно заключаетъ въ себѣ болѣе 40 дворовъ. Всѣ эти мѣста отличаются прекраснымъ и очень здоровымъ климатомъ; малярін здѣсь совсѣмъ нѣтъ, нѣтъ и той духоты, которой отличается Сухумъ и всѣ вообще мѣста, лежація близъ берега моря; кромѣ того почти довольно прохладны, благодаря свѣжему вѣтру, дующему съ горъ. Больные маляріей даже пріѣзжаютъ сюда изъ Сухума и соседнихъ съ нимъ мѣстъ для поправленія здоровья. Жаль только, что здѣсь нѣтъ почти никакихъ жизненныхъ удобствъ.

До рѣки Амткела мы ѣхали все время по довольно хорошему шоссе, но за нимъ дорога сдѣлалась гораздо хуже ***). Тотъ

*) На пятиверстной картѣ Кавказа названа Амткель-Ачадарь.

**) Укрѣпленіе находилось на возвышенномъ мѣстѣ вблизи впаденія Амткела въ Кодоръ.

***) Вообще оконченное шоссе тянется отъ Сухума до р. Амткела на протяженіи 33 верстъ.

часть за рѣкой начинался крутой грязный подъемъ по густому лѣсу, въ которомъ дорога, дѣлая множество извиговъ, на протяженіи версты двухъ поднимается на довольно крутую гору. Затѣмъ она выходитъ на болѣе или менѣе ровную возвышенную и покрытую сплошнымъ лѣсомъ мѣстность, расположенную между долинами Амкела и Кодора. До самаго спуска въ долину Кодора на протяженіи нѣсколькихъ верстъ снова тянется шоссе, которое только недавно было усыпано битымъ камнемъ и еще не укатано. Ѣхать по нему крайне непріятно. Не только мы, но и лошади старались по возможности миновать его и идти сторовою. Къ сожалѣнію, это было возможно только въ немногихъ мѣстахъ. Шоссе приводитъ къ не особенно дливному и крутому, но также шоссированному спуску въ долину Кодора. Онъ начинается верстахъ въ 3—4 отъ Багатскаго поста и верстахъ въ 10 отъ мѣстечка Латы, находящихся уже въ самой долинѣ Кодора. Дорога не спускается, однако, на дно долины, а тянется вначалѣ на протяженіи версты 2—3 по почти отвѣсной бѣлой известковой скалѣ саженьхъ въ 60 надъ рѣкою. Это мѣсто одно изъ наиболѣе интересныхъ въ долинѣ Кодора. Известковая скала, почти лишенная растительности и имѣющая крутизну градусовъ въ 70 и высоту, вѣроятно, сажень въ 120, возвышается бѣлой стѣной надъ самымъ Кодоромъ; въ этой стѣнѣ на половинѣ ея высоты выстлена болѣе или менѣе узкая дорожка. Надъ пею высится почти отвѣсная бѣлая обнаженная скала сажень въ 60, а подъ нею зияетъ такой-же глубины пропасть, по дну которой мчитъ Кодоръ. Онъ имѣетъ здѣсь шагавъ 70 въ ширину, быстро несетъ мутно-сѣрую воду и своимъ шумомъ оглашаетъ все ущелье. На скалахъ, возвышающихся надъ дорогой, намъ попадалось много проворныхъ, красивыхъ, даже изящныхъ горныхъ ящерицъ (*Lacerta muralis* Laur.), окрашенныхъ въ зеленый, сѣро-зеленый или даже голубой цвѣтъ, со многими черными пятнами на верхней части тѣла и блестящими синими зеркальцами на бокахъ туловища. На этихъ-же скалахъ я нашелъ травянистое растеніе, раньше мнѣ не попадавшееся, съ очень колочными листьями и красивыми, слегка продолговатыми плодами величиною съ вишню.

Тамъ, гдѣ кончаются эти скалы, дорога снова входитъ въ лѣсъ. При началѣ его построены такъ называемый Багатскій постъ. На немъ живетъ нѣсколько человекъ вооруженной стражи, какъ кажется, не безполезной въ этихъ мѣстахъ. Дѣло въ томъ, что по долинѣ Кодора ѣздитъ довольно много людей, причемъ нѣкоторые

изъ нихъ принуждены бываютъ возить при себѣ порядочныя деньги (напр., служащіе на дѣшныя промыслахъ, сухумскіе мисоторговыцы, которые часто ѣздятъ въ Кубанскую область для закупки скота и т. д.). Конечно, они въ такой дѣшевой и малолюдной мѣстности очень мало гарантированы отъ нападеній бродягъ и разбойниковъ. Подобное нападеніе и случилось, напр., на этой дорогѣ дня за три до нашего проѣзда: здѣсь было убито двумя пулями изъ берданки одинъ туземецъ, который отправился въ горы и везъ съ собою рублей двѣсти.

Около Багатскаго поста ущелье Кодора очень глубоко. Высокія горы, окаймляющія его, силотъ заросли лѣсомъ, и только на вершинахъ ихъ видѣются кое-гдѣ крутыя обрывистыя скалы, частью совершенно голыя, частью покрытыя полосками и островками изъ кустовъ и деревьевъ. Выше Багатскаго поста по ущелью Кодора тишется хороший высокоствольный лѣсъ, въ которомъ больше всего растетъ очень крупная (обхвата въ 1 $\frac{1}{2}$ —2) кантановъ. Довольно много попадается здѣсь и волошскихъ орѣховъ. Плоды ихъ въ урожайныя годы мѣстные жители собираютъ въ очень большомъ количествѣ. Орѣшникъ или лещина (*Corylus Avellana* L.) встрѣчается тоже очень часто, а рядомъ съ нимъ растетъ лещина (*Prunus divaricata* Led.), самшитъ, кленъ (*Acer platanoides* L.), дубъ, ясень, черноольха, хмѣль, грабъ и т. д. Здѣсь-же попадаются яблоня и груша, но сравнительно не такъ часто; крыжовника, смородины и малины я не видѣлъ, но думаю, что и они есть въ этой мѣстности на болѣе высокихъ мѣстахъ склоновъ горъ, окаймляющихъ ущелье. Наконецъ, что касается рододендроновъ, то они встрѣчаются въ ущельѣ Кодора въ очень большомъ количествѣ. Я находилъ два вида ихъ, именно *Rhododendron ponticum* L. и *Azalea pontica* L.; цвѣтовъ на нихъ уже не было. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Багатскаго поста кантановъ особенно много и лѣсъ состоитъ почти только изъ нихъ; въ другихъ же мѣстахъ растетъ очень много яблонь, грушъ, лещины и сливъ. Эти мѣста представляютъ, безъ сомнѣнія, остатки прежнихъ абхазскихъ садовъ. Изъ кустарныхъ растений попадается довольно часто *Spiraea crenata*, которая растетъ на хорошо освѣщенныхъ солнцемъ скалахъ. Папоротники разныхъ родовъ и видовъ встрѣчаются также довольно часто, хвойныхъ-же деревьевъ нѣтъ вовсе ни около Багатскаго поста, ни около Латы. Возможно, впрочемъ, что и они растутъ на гребняхъ тѣхъ высокихъ хребтовъ, которые окаймляютъ долину Кодора.

Въ 8 верстахъ отъ Багатскаго поста находится мѣстечко Лата. Оно ~~расположено въ долине Кодора и приближенно въ верстѣ отъ него. Лата окружена со всѣхъ сторонъ лѣсомъ.~~ Въ долинѣ Кодора поляны, даже самыя маленькія, такъ рѣдки, что во многихъ мѣстахъ на протяженіи 10—20 верстъ негдѣ покормить травой лошадь. То же можно сказать и про окрестности Латы. Это, конечно, составляетъ одно изъ существенныхъ неудобствъ долины Кодора.

Въ Латѣ мы остановились часа на три у одной пожилой женщины, которую здѣсь всѣ знаютъ подъ именемъ Варвары. У нея можно найти чистую комнату, самоваръ, хлѣбъ и получить обѣдъ или ужинъ; но она, зная, что миновать ее нельзя, пользуется случаемъ и за все беретъ очень дорого. Такъ какъ въ Латѣ намъ надо было позаботиться и о подкрѣпленіи силъ нашихъ порядочно уже уставшихъ лошадей, то мы купили для нихъ у Варвары кукурузы, хотя платить за нее пришлось въ-тридорога (если не ошибаюсь, по рублю за пудъ). Если бы по долинѣ Кодора встрѣчались покрытыя травой поляны, на которыя можно было бы пустить лошадей на подножный кормъ, то мы, конечно, не подумали-бы заѣзжать на постоянные дворы или духаны, а располагались-бы всегда для отдыха и ночлега въ палаткѣ, что, разумѣется, гораздо пріятнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, этого нельзя было дѣлать.

Въ Латѣ жили прежде абхазцы, въ послѣднее-же время поселились нѣсколько семействъ русскихъ. Отъ нихъ я узналъ, что въ лѣсахъ, окружающихъ Лату, водится много кабановъ, медвѣдей, кромѣ того встрѣчаются волки, куніцы, рыси и шакалы, вой которыхъ бываетъ слышенъ чаще всего осенью или зимою передъ выпаденіемъ снѣга и вообще передъ дурной погодой. Шакалы, однако, здѣсь рѣдки; еще рѣже попадаются олени. Дикихъ кабановъ и медвѣдей привлекаетъ сюда обиліе въ лѣсахъ каштановъ и волошскихъ орѣховъ. Охотятся въ горахъ, окружающихъ Лату, да и вообще въ долинѣ Кодора главнымъ образомъ абхазцы, которые зимою пасутъ въ лѣсахъ своихъ козъ и овецъ.

Около Латы я видѣлъ много черныхъ дроздовъ, бѣлыхъ и желтыхъ плисокъ (*Motacilla alba* L. и *M. boarula* L.), двухъ или трехъ соекъ, синицъ (*Parus major* L.) и зябликовъ. Черные дрозды въ это время (въ двадцатыхъ числахъ іюня) еще очень усердно пѣли. Въ окрестностяхъ Латы также выпадаетъ много снѣга (до сажени глубиною), но онъ лишь въ нѣкоторые годы ле-

жить здѣсь мѣсяца два, обыкновенно же болѣе короткое время. На горахъ, окружающихъ Лату, его выпадаетъ, конечно, значи-
~~тельно болѣе продолжительное время.~~

Изъ Латы мы отправились вверхъ по долинѣ Кодора. До Чхалты, на протяженіи верстъ 20, тянется по правому берегу Кодора очень хорошая въязыная дорога *). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она спускается почти къ самой рѣкѣ, въ другихъ-же поднимается довольно высоко на горы. Кодоръ и здѣсь представляется значительной рѣкой, которая быстро несется почти съ В. на З. по каменному руслу. Съ правой и лѣвой стороны въ него впадаютъ множество небольшихъ, но очень быстрыхъ горныхъ рѣчекъ, получающихъ начало на вершинахъ и склонахъ горъ, ограничивающихъ долину Кодора съ обѣихъ сторонъ. Всѣ эти горы покрыты сплошными лѣсами и среди нихъ вьется почти на всемъ своемъ протяженіи хорошая, въ родѣ шоссе, дорога. Растительность по сторонамъ ея довольно богата и разнообразна, но уже не настолько, какъ, напримѣръ, по дорогѣ отъ Сухума до Ольгинскаго. Она въ этихъ мѣстахъ состоитъ изъ разнообразныхъ лиственныхъ породъ; волошскіе орѣхи и въ особенности каштаны встрѣчаются въ большомъ количествѣ; еще болѣе растетъ обыкновеннаго лѣсного орѣха. Не добъзжая верстъ 5—7 до Чхалты, мы въ первый разъ увидѣли въ долинѣ Кодора на склонахъ горъ хвойныя насажденія, состоящія почти исключительно изъ пихты. Сосна также встрѣчается здѣсь, но гораздо рѣже пихты, а ели почти нѣтъ.

Вечеромъ, когда уже болѣе или менѣе стемнѣло, мы прибыли въ урочище Чхалту, гдѣ находится лѣсопромышленная контора Максимовыхъ. Въ этомъ мѣстѣ различными постройками занято десятины 2—3 земли, выстроено довольно большой домъ, въ которомъ живутъ лица, заведывающія различными отраслями лѣсопромышленнаго дѣла (заготовкой лѣса, сплавомъ его и т. д.), а также лѣсничій и его помощникъ. Кромѣ того, имѣются бараки для рабочихъ, сарай и т. д. Я уже слышалъ не разъ, что путешествующіе по долинѣ Кодора заѣзжаютъ обыкновенно въ контору гг. Максимовыхъ и встрѣчаютъ очень любезный, даже радушій

*) О путяхъ сообщенія въ этой мѣстности см. статью „На Цапанскомъ хребтѣ и по ущелью Кодора“, К. Подозерскаго (Изв. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XIV, № 3), а также „Геодезическія и топографическія работы на Кавказѣ въ 1901 г.“, Изв. Кавк. Отд. И. Р. Г. О., т. XV.

прямъ со стороны лица, живущихъ въ ней. Несмотря на это, я и мои спутники подѣзжали къ конторѣ съ немалымъ смущеніемъ, такъ какъ считали пеловкамиъ безнокотъ людей, которымъ мы были совершенно незнакомы; расположить-же здѣ-нибудь подѣ открытыя цѣбомъ было невозможно за отсутствіемъ корма для лошадей. Такимъ образомъ, пришлось волей-неволей направиваться въ гости. Не успѣли, однако, мы слѣзть съ лошадей; какъ уже были приглашены въ домъ и вскорѣ усажены за ужинъ. Послѣ ужина въ наше распоряженіе были предоставлены двѣ комнаты, причемъ мы уступили свою дѣвничій П. А. Соколовъ. Управляющій конторой З. С. Туркія и всѣ его сослуживцы произвели на насъ самое пріятное впечатлѣніе и приняли насъ, дѣйствительно, съ полнымъ радушіемъ.

Мѣстечко Чхалты расположено на высотѣ около 600 метровъ надъ уровнемъ моря *) на правомъ берегу Кодора и вблизи впаденія въ него довольно большой рѣчки Чхалты. Эта рѣчка имѣетъ не менѣе 50 верстъ въ длину и² вытекаетъ многими истоками изъ-подъ Марухскаго перевала, горы Камынистры и соседнихъ съ нею; но доиѣ ея проходить трона черезъ Марухскій перевалъ въ Кубанскую область. Мы говорили, что названіе *Чхалты* есть исковерканное абхазское слово, означающее *лошадный подъемъ*. Дѣйствительно отъ Чхалты начинается подъемъ на три высокіе перевала черезъ Главный Кавказскій хребетъ, именно Марухскій (9086 ф.) **), Нахарскій (9617 ф.) и Клухорскій (9226 ф.). Во время кавказской войны въ Чхалтѣ были выстроены казармы, въ которыхъ стоялъ взводъ линейнаго баталіона; теперь-же кромѣ служащихъ въ конторѣ Максимовыхъ въ ней ничто не живетъ.

Мѣстоположеніе Чхалты очень живописно. Она расположена хотя и внизу ущелья, но все же на болѣе или менѣе возвышенномъ мѣстѣ и при соединеніи трехъ большихъ ущельй—Чхалты, Кодора и Бразвы, которыя въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда въ свою очередь раздѣляются на рядъ новыхъ ущельй. Чудный видъ на цѣлую систему горъ и дѣсистыхъ долинъ, замыкающихся вдаль высокими хребтомя, на которомъ надъ темно-синими дѣсами тянется изумрудно-зеленая полоса альпійскихъ луговъ, а еще выше

---

*) Въ статьѣ А. К. фонъ-Мекка („Клухорскій перевалъ“, Ежегодникъ Русск. Горн. Общ., т. 1) высота Чхалты показана равной 490 м.

**) По инструментальному опредѣленію, сдѣланному года два тому назадъ; раньше высоту его считали равной 11040 ф.

блестятъ точно вылитые из серебра вѣчные сѣла и ледники,—служить лучшимъ украшеніемъ Чхалты.

Верстахъ въ двухъ отъ Чхалты въ Кодоръ съ лѣвой стороны впадаетъ рѣчка Брама. Долина ея покрыта лѣсомъ, тянется верстъ на 15 и замыкается также очень высокими горами; на нихъ виситъ маленькій ледникъ, не спускающійся глубоко въ долину, а надъ нимъ поднимается черная, какъ уголь, куполообразно-закругленная скала—вершина горы Ходжалъ. На ССВ. отъ Чхалты видно другое, также очень красивое ущелье рѣчки Штаничъ, вытекающей изъ Главнаго Кавказскаго хребта и впадающей въ Чхалту съ лѣвой стороны въ трехъ верстахъ отъ урочища Чхалты. Вблизи верховьевъ этой рѣчки также находится небольшой глетчеръ. Онъ былъ покрытъ не усажившимъ еще слоемъ сѣлгомъ, который не могъ, однако, скрыть находящіеся на ледникѣ трещины. Немного правѣе, т. е. восточнѣе ледника, изъ горъ Ара-Учестъ вытекаетъ рѣчка Хецквара, а изъ Главнаго хребта—Клычъ. Хецквара впадаетъ въ Кодоръ въ четырехъ верстахъ отъ Чхалты, а Клычъ верстахъ въ десяти. Ущелья Клыча и впадающей въ него рѣчки Гвадры хорошо видны изъ Чхалты. Въ верховьяхъ ихъ находится большое обледенѣлое сѣлжное поле, пересекающееся многими трещинами. Его можно считать за короткій широкій фирнъ-глетчеръ. Влѣво-же отъ этого поля находится длинный, очень обрывистый и также изморозившій множествомъ трещинъ пастоящій глетчеръ. Онъ принадлежитъ къ глетчерамъ 2-го разряда. Поверхность его также была покрыта сѣлгомъ. Эти сѣлжные поля и глетчеры питаютъ Клычъ, а отчасти и Гвадру. Ложатъ они на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ вблизи Пахарскаго и Клухорскаго переваловъ. Замѣтимъ, что къ западу отъ этихъ мѣстъ на южномъ склонѣ Главнаго Кавказскаго хребта сѣлговъ очень мало, здѣсь-же находятся періодичныя сѣлжные поля, а еще дальше къ востоку размѣры ихъ увеличиваются, достигая особенно большой величины въ Сванетіи, которую вмѣстѣ съ Пальчикскимъ округомъ Терской области надо считать за самую богатую ледниками часть Кавказа *).

*) На горахъ, которыя тянутся болѣе или менѣе параллельно Главному хребту въ верховьяхъ Чхалты, Аяткела и Бабби, есть также ледники, причѣмъ одинъ изъ нихъ, именно Убушскій, достигаетъ 22 м. въ длину. „Геогнозич. и топогр. раб. на Кавказѣ“. Изв. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ., т. XV, № 5.

Рано утромъ и вышелъ на веранду, гдѣ въ лѣтнее время живущіе въ конторѣ цѣлымъ обществомъ пьютъ чай и обѣдаютъ, и былъ пораженъ необыкновенно красивымъ видомъ на всѣ горы и ущелья, о которыхъ я только что говорилъ. Лѣса, глубокія ущелья, горные дуга, высокія скалы и вѣчные снѣга въ чистомъ и прозрачномъ воздухѣ были видны съ необыкновенной отчетливостью и казались несравненно ближе, чѣмъ въ дѣйствительности. Особенно красиво обрисовывались на темно-синемъ безоблачномъ альпійскомъ небѣ черныя зубчатыя скалы и вѣчные снѣга. Видъ этотъ такъ хорошъ, что отъ него нельзя было оторвать глазъ.

Растительность около Чхалты мало отличается отъ растительности окрестностей Латы. Здѣсь также много волонскихъ орѣховъ, каштановъ, орѣшника, бука, черноольхи, рододендроновъ и т. д., а на вершинахъ горъ виднѣются стройныя остроколючія цихты. Сосны въ этихъ мѣстахъ очень мало, а ели почти нѣтъ.

Горныя породы около Чхалты и выше нея по ущельямъ рѣкъ состоятъ изъ кристаллическихъ кремнистыхъ породъ—гранита, гнейса и кварцита, а также гнейштейновъ и асвиднаго сланца. Последній во многихъ мѣстахъ встрѣчается въ очень значительномъ количествѣ.

Часовъ въ 9 утра мы отправились дальше вверхъ по ущелью Кодора. Довольно хорошалъ дорога и здѣсь тянулась то по лѣсу, то по небольшимъ полянкамъ праваго берега рѣки. Верстахъ въ 9 отъ Чхалты мы проѣзжали мимо маленькаго поселочка Аджары. Опъ расположенъ на полянахъ того-же праваго берега Кодора и со всѣхъ сторонъ окруженъ лиственными лѣсами, въ которыхъ растутъ, кромѣ упомянутыхъ раньше деревьевъ, довольно много лблонъ и грушъ. Все населеніе Аджары состоитъ изъ нѣсколькихъ семействъ русскихъ.

Въ 4 верстахъ отъ Аджары ущелье, по которому течетъ Кодоръ, раздѣляется на два отдѣльныхъ ущелья. Само Кодоръ образуется здѣсь изъ двухъ рѣчекъ—Секена, вытекающаго изъ Главнаго Кавказскаго хребта между горами Узунколь и Чалнакытау, и короткой рѣчки, составляющейся изъ слиянія Гвандры съ Клычемъ. Секенъ представляетъ довольно порядочную рѣчку длиною верстъ въ 50, очень быструю и многоводную. Верховья Секена и окружающія ихъ высокія горы мнѣ не удалось видѣть даже издали. Вѣроятно, на нихъ, какъ и на соедѣннхъ съ ними горахъ, есть маленькіе или же среднихъ размѣровъ глетчеры.

Выше Аджары дорога почти на всем протяжении тянется по лѣсу, въ которомъ и здѣсь растетъ довольно много каштановъ, несмотря на то, что эти мѣста находятся на высотѣ около 3000 ф. надъ уровнемъ моря. Верстахъ въ 3—4 отъ Аджары дорога отклоняется довольно далеко отъ дна ущелья и переходитъ черезъ небольшую съ очень мутной водой рѣчку Дванцишъ. Она имѣетъ всего лишь около 10 верстъ въ длину, течетъ очень быстро и питается ледникомъ, находящимся на горѣ Хутый. Недалеко отъ этой рѣчки въ лѣсу видны древнія морены въ видѣ многихъ параллельныхъ другъ другу грядъ камней. На нихъ и вокругъ нихъ растетъ крупный лѣсъ. Образование этихъ моренъ относится ко времени ледниковаго періода.

Верстахъ въ 20 отъ Чхалты и саженьяхъ въ 100 выше слиянія Гвадры съ Клычемъ находится казарма или караулка, въ которой живетъ дорожный мастеръ, наблюдаящій за работами на шоссе, и сторожъ. Постъ этотъ расположенъ на высотѣ 1041 метри (3414 ф.) надъ уровнемъ моря на небольшой полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ очень красивыми горами. Онѣ покрыты лиственными лѣсами, также состоящими изъ бука, оршника, дуба, клена, чернопольхи и т. д. Каштаны встрѣчаются и около поста, но въ этихъ мѣстахъ ихъ гораздо меньше, чѣмъ около Чхалты и Латы. Надъ лиственными лѣсами здѣсь уже находится довольно широкая зона хвойныхъ, именно пихтовыхъ насажденій. Особенно красивыя и крупныя пихты растутъ около высокой, поднимающейся почти отвѣсной стѣной горы, которая находится въ западу отъ поста. Она возвышается надъ дномъ ущелья, вѣроятно, тысячи на три футовъ. На противоположной сторонѣ ущелья видна другая скалистая и покрытая лѣсомъ гора: это одинъ изъ отроговъ горы Клычъ. Почти съ самой вершины ея падаетъ внизъ рѣчка, образуя высокій красивый водопадъ. Что касается поляны, на которой расположена караулка, то большая часть ея покрыта густѣйшими зарослями папоротника *Struthiopteris germanica*. Вблизи казармы выстроены деревянный мостъ черезъ Клычъ. По этому мосту намъ надо было переѣхать на лѣвый берегъ рѣчки.

Въ казармѣ мы пробыли часа полтора. Лошади наши въ первый разъ за все время нашего путешествія были пушены на подожженный кормъ на поляну, окружающую казарму, а мы ушли закутить, выпить чаю и немного отдохнуть. И въ это время разговаривая съ живущимъ въ казармѣ дорожнымъ мастеромъ, который оказался страстнымъ охотникомъ. Онъ показалъ мнѣ нѣсколь-

ко шкуру убитых имъ въ этой мѣстности звѣрей и сообщалъ какія данныя объ ихъ образѣ жизни.

Въ то время, какъ мы находились на посту, сюда прѣехали сухумскіе купцы-мингрельцы. Ихъ было двое и съ ними еще одинъ нанятый человекъ. Они отиравались черезъ Клухорскій переваль въ Карачай для закупки скота. Дорожный мастеръ сообщилъ мнѣ, что купцы очень обрадовались, узнавъ, что мы также ѣдемъ на переваль, и просить насъ отправиться вмѣстѣ съ ними. Имѣя при себѣ, вѣроятно, порядочную сумму денегъ, они находили, что ѣхать по этимъ глухимъ мѣстамъ, гдѣ, какъ говорятъ, „попонавливаютъ“, вмѣстѣ съ нами гораздо безопаснѣе. Для насъ они также были желательными спутниками, такъ какъ знали въ совершенствѣ всѣ здѣшнія дороги, всѣмъ неизвѣстныя намъ ни на что неспособному проводникъ, который въ этихъ мѣстахъ никогда не бывалъ, дороги на переваль не зналъ, а между тѣмъ долженъ былъ вести насъ черезъ огромныя лавины, снѣжныя поля и вообще многія небезопасныя мѣста, гдѣ всѣмъ не видно дороги и отыскивать ее очень трудно. О его необыкновенной безопасности и непригодности можно судить по тому, что онъ, отправляясь въ далекій путь, не позаботился взять съ собою ни ножа, ни топора, ни веревки, ни путь для лошадей, слономъ—ни одной изъ самыхъ необходимыхъ въ дорогѣ вещей. Всѣ карманы его были наполнены только табакомъ и спичками. Курилъ онъ цѣлый день, не выпуская изъ рта пипиросы, зато никогда не догадывался ни снять вьюки съ лошадей, ни разсѣдлатъ ихъ; объ этомъ заботились всегда мы сами. Дорогу онъ зналъ только до Латы, по это стало намъ извѣстно, въ сожалѣнію, лишь тогда, когда мы были уже въ пути.

Часа въ три пополудни мы выступили съ поста довольно большой компаніей и очень обрадованные тѣмъ, что намъ не придется, вѣроятно, блуждать по незнакомой мѣстности и ощупью отыскивать дорогу.

Тотчасъ за мостомъ о которомъ я только что упоминалъ, тропа поднимается зигзагами на довольно высокую, покрытую лѣсомъ гору, а затѣмъ снова постепенно спускается къ дну ущелья; дальше она тянется до самаго конца ущелья, т. е. почти до Клухорскаго перевала, но лѣвой сторонѣ Клыча, не уходя отъ него далеко. Ущелье Клыча по общему своему характеру значительно отличается отъ ущелья Кедора. Оно гораздо уже и тѣснѣе, а горы, окружающія его, выше, очень скалисты и только въ низ-

ны своей трети покрыты крупными известковыми глыбами, надъ ними тянется березовый заросли, а еще выше поднимаются мрачныя темно-сѣрыя скалы, на которыхъ во многихъ мѣстахъ видны полосы и пятна сѣвга.

Растительность здѣсь также значительно отличается отъ той, которая украшаетъ долину Кедора, продолжая, впрочемъ, быть довольно богатой и очень разнообразной. Сивина, паноретинскъ-орлякъ, ломоносъ (*Clematis*), *Pegyploca* и винограды уже печелли изъ этихъ мѣстъ, замѣнялись крыжовникомъ, смородиной, паду-бомъ и малиной; пихты спустились до самаго дна ущелья и вмѣстѣ съ букомъ сдѣлались господствующей глѣбой породой. Вѣтви волошскихъ орѣховъ, нижира и калтанойа появились береза, рябина, калина-гордовина (*Viburnum Lantana*), ива (*Salix caprea L.*), горный кленъ (*Acer Trautvetteri Medw.*); плющъ (*Hedera helix L.* и *H. colchica Coch.*) началъ попадаться чаще и чаще, а въ одномъ мѣстѣ буквально всѣ деревья были обвиты имъ до высоты нѣсколькихъ сажень отъ земли и превратились такимъ образомъ въ высокія, завитыя гирляндами зеленыя колонны. Падубъ (*Plex Aquifolium L.*) также встречался съ каждой верстой все чаще и чаще, причемъ длинныя, стелющіеся и усаженные блестящими колючими листьями стебли его образовывали на поверхности земли такія-же сѣтви и сплетенія, какъ стебли плюща на стволахъ деревьевъ и на скалахъ. Растительность ущелья Калча замѣчательна не только по своему богатству, но и въ другомъ отношеніи. Замѣтимъ, что это ущелье тянется съ юга на сѣверъ и потому открыто для южныхъ, теплыхъ морскихъ вѣтровъ и въ то-же время охлаждается вѣтрами, дующими съ глетчерныхъ и фирновыхъ полей Главнаго Кавказскаго хребта и его отроговъ. Этихъ обстоятельствъ оно обязано своимъ необыкновеннымъ разнообразіемъ формъ растительности, доходившимъ, по словамъ Dick'a, до чудесности. Особенными топографическими условіями объясняется и то, что здѣсь мы на каждомъ шагѣ можемъ наблюдать столкновение растительныхъ формъ, принадлежащихъ самымъ разнообразнымъ растительнымъ областямъ и климатамъ. По словамъ того-же автора, Калчское ущелье—единственное на земномъ шарѣ, въ которомъ лавровишня смѣшивается съ ольхой и березой для образованія верхней границы глѣбы. Действительно, лавровишня съ такими-же бле-

*) Ein dendrologischer Spaziergang nach dem Kaukasus und Pontus, Zap. Kavk. Отд. Им. Р. Г. Общ., т. XVI.

станицами листьями и густыми кистями цветов, какъ вблизи берега моря, поднимается по ущелью Клыча необыкновенно высоко и не только покрывается на каждомъ шагу, но и образуетъ густыя сплошныя заросли, рядомъ съ которыми растутъ ильшты, ели, черника, ольха, береза и другія растенія, свойственныя по преимуществу холоднымъ странамъ. Чаше, чѣмъ что бы то ни было изъ растительнаго царства, встрѣчаются въ этомъ ущельѣ рододендроны. Они растутъ здѣсь всюду, образуя почти непроездимыя заросли*). Трона, по которой мы ѣхали, на протяжении многихъ верстъ окаймляется съ обѣихъ сторонъ сплошной стѣной рододендроновъ, перемежаемыхъ съ лавровишней и усаженныхъ массой огромныхъ кистей изъ крупныхъ и красныхъ лиловыхъ, желтыхъ и бѣлыхъ цветовъ. Рѣдкая искусственная аллея по своей красотѣ можетъ поспорить съ этой чудной тропинкой, заброшенной въ самыя глухія дебри Кавказскихъ горъ.

По мѣрѣ приближенія къ истокамъ Клыча растительность начинается, конечно, замѣтно сдвѣдываться, болѣе и болѣе приближаясь къ растительности холодныхъ странъ. Здѣсь появляется уже много малины, обыкновенная и кавказская черника (*Vaccinium Myrtillus* L. и *V. Arctostaphylos* L.), воронника (*Empetrum nigrum* L.), мхи и лишайники. Кромѣ того растутъ какъ деревья и кустарничковъ, такъ и травянистыхъ растеній сильно сокращается. Но зато даже въ порядочномъ разстояніи отъ перевала мы застаемъ въ полномъ цвѣтѣ лавровишню и рябину; тогда какъ на первой въ Сухумѣ были уже почти зрѣлыя плоды. То же самое можно сказать и о рододендронахъ. Изъ травянистыхъ растеній здѣсь встрѣчается *Spigaea Arifera* L., по гораздо рѣже, чѣмъ въ долинахъ Кубанской области, *Asperula odorata* L. и очень пахучія съ крупными цвѣтами лиліи (*Lilium monadelphum* M. B.). Передъ самымъ переваломъ растутъ уже мелкія, кризотемныя растенія, свойственныя верхнему поясу горныхъ луговъ. О ильшѣ и скажу ниже.

Верстахъ въ пяти отъ казармы мы встрѣтили первую на нашемъ пути лавину. Она зимой или весной свалилась съ горъ, возвышающихся по лѣвую сторону ущелья, засыпала тропу и рѣчку

*) Здѣсь я встрѣтилъ три вида рододендроновъ: *Rhododendron ponticum* L. съ крупными блестящими листьями и красивыми лиловыми цвѣтами, *R. caucasicum* Pall. съ бѣлыми цвѣтами и *Azalea pontica* L. съ желтыми цвѣтами.

Ключь, которая текла поэтому подь толстымъ слоемъ снѣга; лавина эта тянулась вверхъ по склону ущелья приблизительно съ версту. По ней намъ надо было пробхать сажень двѣсти. За первой лавинной слѣдовала вторая, меньшихъ размѣровъ, и третья, совсѣмъ маленькая. Подь этими лавинами или въ толщѣ ихъ тянулись во многихъ мѣстахъ тоннели, по которымъ неслись быстрые горные ручьи, питающиеся главнымъ образомъ самими лавинами. Своды такихъ тоннелей часто бывають очень тонкими,—поэтому могутъ, какъ извѣстно, обрушиваться. Это, конечно, можетъ быть иногда очень опаснымъ. Чтобы меньше рисковать, мы рѣшили пройти черезъ лавины пѣшкомъ, ведя за собою лошадей. Несмотря на такую предосторожность, въ одномъ мѣстѣ моя лошадь вдругъ провалилась обѣими задними ногами въ скрытую отъ глазъ пещеру, причемъ выюкъ слетѣлъ съ нея и покатился по снѣгу внизъ, ко дну ущелья. Лошадь при нашей помощи выбралась на снѣгъ довольно скоро, а затѣмъ принесенъ былъ и выюкъ. Въ концѣ второй лавины мы также встрѣтили одно небезопасное мѣсто, гдѣ снѣгъ, нависшій надъ продунинной, обвалился, когда проходили по нему лошади. По лавинамъ намъ пришлось подниматься очень круто и сильно вспотѣть, между тѣмъ какъ намъ пропизывалъ въ это время очень холодный вѣтеръ, который безпрестанно дулъ по гладкой поверхности лавинъ съ самыхъ вершинъ горъ ко дну ущелья. Это также представляло не совсѣмъ пріятную сторону путешествія по лавинамъ.

Говоря объ ущельѣ Ключа, я не сказалъ еще ни слова о самой рѣчкѣ. Ключь имѣетъ отъ 15 до 20 аршинъ въ ширину, течетъ необыкновенно быстро, несетъ чистую, прозрачную, голубовато-зеленую воду и принадлежитъ къ красивѣйшимъ горнымъ рѣчкамъ Кавказа. Русло его на значительной части своего протяженія завалено грудами огромныхъ каменныхъ глыбъ; прорываясь черезъ нихъ, Ключь образуетъ множество водопадовъ и блеститъ, какъ серебряный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его русло представляетъ большіе уступы и тамъ образуются еще болѣе красивые и высокіе водопады. Одинъ изъ нихъ находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ казармы, но мы, къ сожалѣнію, не могли его видѣть, потому что вся рѣка текла въ томъ мѣстѣ подь такимъ толстымъ покровомъ изъ снѣга, который скрывалъ совершенно и этотъ очень большой водопадъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣжные сугробы тянулись на цѣлыя версты, и по нимъ прогоняли скотъ. Все ущелье Ключа необыкновенно богато водопадами самыхъ разнообразныхъ

величинъ. Это надо приписать съ одной стороны высотъ и крутизна горъ, окружающихъ его, а съ другой—обилію атмосферныхъ осадковъ, питающихъ безчисленное множество ручьевъ и рѣчекъ. Падая съ отвѣсныхъ почти скалъ, они образуютъ цѣлую серію водопадовъ, причемъ многіе изъ нихъ достигаютъ высоты въ нѣсколько десятковъ саженъ. Вода въ нихъ разбивается на мелкіе брызги и въ видѣ дождя или даже водяной пыли падаетъ внизъ. Одинъ такой водопадъ низвергается прямо на тропу и заставляетъ прохожаго, не желающаго очутиться подъ душемъ, остановиться какъ можно ближе къ скаламъ, ограничивающимъ тропу съ правой стороны. Во время нашего пребыванія въ долину Клыча водопадовъ было особенно много, такъ какъ на горахъ лежали громадныя массы снѣга, питающаго безчисленные ручьи, которые въ другое время иссыкаютъ.

Перебравшись черезъ лавины, мы снова вступили въ лѣсъ и ѣхали по нему довольно долго. Верстахъ въ 10 отъ базармы около шоссеиной дороги построена будка, въ которой помѣщался сторожъ и рабочіе, исправлявшіе тропу. Эта будка представляетъ послѣдній жилой пунктъ въ ущельѣ Клыча. Отъ нея до перевала остается верстъ 8 по прямой линіи и верстъ 15 по извилинамъ тропы. Часовъ въ 6 вечера мы проѣзжали около этой будки, но, желая попасть на перевалъ какъ можно раньше, т. е. въ тѣ часы, когда горы бываютъ обыкновенно свободны отъ тумана или облаковъ, рѣшили не останавливаться здѣсь, а проѣхать еще нѣсколько верстъ вверхъ по ущелью Клыча и переночевать на какой-нибудь полянкѣ поближе къ перевалу. Такую полянку, окруженную со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, намъ, дѣйствительно, удалось отыскать. Она находилась на высотѣ 5000 ф. надъ ур. моря и противъ того мѣста, гдѣ въ Клычъ впадаетъ съ правой стороны довольно порядочный горный потокъ. Въ истокахъ его, на сѣверо-востокъ отъ поляны, виситъ небольшой обрывистый и не спускающійся глубоко внизъ глетчеръ. Онъ долженъ быть причисленъ къ глетчерамъ 3-го разряда и свѣшивается съ горъ къ востоку отъ хребта Ара-Учетъ. Другой глетчеръ виденъ на ЮЮВ. Онъ лежитъ къ востоку отъ Нахарскаго перевала и питаетъ восточный истокъ Клыча. Вообще эта полянка окружена со всѣхъ сторонъ очень красивыми мѣстами. На ней мы развели костеръ, разбили палатку, приготовили чай, закусили и часовъ въ 9 улеглись спать. Термометръ въ это время показывалъ только 8°. Темнаго смущало насъ лишь то, что передъ заходомъ солнца на вершинахъ горъ начали

клубиться густая свинцово-сѣрая облака, представляющая грозную погоду. На такихъ высокихъ мѣстахъ, какъ Клухорскій перевалъ и его ближайшій окрестности, она, какъ извѣстно, является для путешественника гораздо болѣе серьезнымъ препятствіемъ, чѣмъ внизу, въ болѣе теплыхъ и защищенныхъ отъ вѣтра долинахъ и ущельяхъ.

За часъ до восхода солнца я проснулся, вышелъ изъ налатки и разбудилъ своего проводника, а также нанявъ новыхъ спутниковъ. Горы и въ это время были окутаны облаками. И убѣдился долговѣрнымъ опытомъ, что присутствіе облаковъ на горахъ въ раніе утренніе часы служить почти всегда вѣрнымъ предвѣстникомъ скораго наступленія дурной погоды,—поэтому сталъ уговаривать своихъ спутниковъ поскорѣ отправляться въ путь. До перевала оставалось теперь всего верстъ восемь, и я не терялъ надежды, что намъ, быть можетъ, удастся добраться до него прежде, чѣмъ погода совсѣмъ испортится. Въ пятомъ часу мы были уже въ пути. Термометръ показывалъ въ это время только 6° тепла.

Дорога наша и здѣсь тянулась по лѣсу, но представляла уже узенькую тропинку, по которой съ трудомъ можно было идти рядомъ двумъ лошадемъ. Съ каждой слѣдующей верстой она становилась хуже и хуже. Здѣсь Клычъ на всея своемъ протяженіи текъ подъ снѣгомъ и такимъ образомъ былъ совершенно скрытъ отъ нашихъ глазъ; на троѣ снѣгъ также сталъ попадаться все чаще и чаще и во многихъ мѣстахъ образовалъ такіе крутые откосы, что перебираться черезъ нихъ было не только трудно, но и небезопасно. Я шелъ въ сапогахъ, подбитыхъ острыми швейцарскими гвоздями, и не рисковалъ поскользнуться и слетѣть на дво ущелья, но положеніе моихъ спутниковъ, имѣвшихъ на ногахъ обыкновенную обувь, было гораздо хуже. Въ одномъ мѣстѣ вправо отъ тропы, т. е. на СВ., мы увидѣли довольно большой ледникъ, отстоящій отъ дороги версты на три. Начинается онъ нѣсколькими широкими снѣжными полями, но подобно предыдущему не спускается низко. Къ ледникамъ перваго разряда и онъ не можетъ быть причисленъ.

Безпрерывно перебирался черезъ лавины, мы съ немалымъ трудомъ добрались наконецъ до того мѣста, гдѣ ущелье Клыча круто поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Около этого мѣста отъ порядочно раздѣланной тропы, ведущей на Клухорскій перевалъ, отдѣляется узкая тропинка, поднимающаяся на Чахарскій пере-

Месхійскаго и Ахалцихско-Имеретинскаго. Эта область отличается самой богатой растительностью на всемъ Кавказѣ и множествомъ вѣчно-зеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Кроме того растительность ея считается наиболее древней на Кавказѣ, наиболее консервативной, почти не измѣнившейся со времени третичной эпохи, когда Кавказъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ и всюду имѣлъ такой влажный климатъ, какимъ отличается теперь только Понтійская область. Сухая же въ настоящее время и жаркая восточная часть Кавказа съ тѣхъ поръ совершенно измѣнила свой растительный покровъ и болѣе или менѣе приблизилась въ этомъ отношеніи къ средне-азиатскимъ горамъ, степямъ и пустынямъ.

Растительность Понтійской области не распространяется, однако, до самаго гребня Главнаго Кавказскаго хребта. Въ верховьяхъ Кодора и его притоковъ верхняя граница лѣсовъ располагается на высотѣ отъ 6300 до 7300 ф. надъ ур. моря въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условий. По этой причинѣ деревья перестаютъ уже попадаться на послѣднихъ 3—4 верстахъ передъ Клухорскимъ переваломъ, кустарники-же растенія, какъ, напр., *Salix arbuscula* L., *Daphne glomerata* Lam., а въ особенности *Rhododendron caucasicum* Pall. *), поднимаются значительно выше и растутъ рядомъ съ мелкими, приземистыми травянистыми растеніями, свойственными верхнему поясу альпійскихъ луговъ. Но эти мѣста къ Понтійской области уже не относятся. На нихъ попадаются также красныя клубы изъ *Empetrum nigrum* L., который растетъ густыми мелколистными кустиками вышиною не много болѣе фута.

Что касается травянистыхъ растеній, видѣнныхъ мною вблизи Клухорскаго перевала, то они, какъ и слѣдовало ожидать, очень мало отличаются отъ травянистыхъ растеній, свойственныхъ всѣмъ вообще горнымъ лугамъ центральной и западной части Большаго Кавказа. Въ самихъ истокахъ Клыча часто попадается хорошеенькая крошечная генциана (*Gentiana pyrenaica* L.), незабудки (*Myosotis alpestris* Schm.), колокольчики (*Campanula tridentata* Schrb.), анемоны (*Anemone narcissiflora* L.), *Dryas octopetala* L., *Primula auriculata* Lam., камнеломки (*Saxifraga*) и т. д. Кроме того верстахъ въ трехъ отъ перевала я повидѣлъ еще въ избытѣ растъ (вѣроятно, *Scilla nivalis* Baker), близкаго родственника нашихъ

*) *Rhododendron caucasicum*, какъ извѣстно, поднимается на Кавказѣ до 10000 ф. надъ ур. моря.

первыхъ весеннихъ цвѣточковъ; часто называемыхъ на Кавказѣ спшими подерѣжниками.

Возвращеніе съ перевала мы совершили при болѣе или менѣе печальныхъ обстоятельствахъ. Еще не дойдя я до того мѣста, гдѣ оставалась наша спутница вмѣстѣ съ проводникомъ и лошадью, какъ уже начался дождь. Подъ довольно порядочнымъ дождемъ намъ пришлось закутить на скорую руку и садиться на лошадей. Подибе онъ усилился и не переставалъ ни на минуту во все время, пока мы ѣхали до послѣдней караулки, паходящейся верстахъ въ 15 отъ перевала. Когда мы перебрались черезъ лавины, къ дождю по временамъ стали присоединяться туманы и намъ съ трудомъ удавалось отыскивать дорогу. Въ одномъ мѣстѣ мы такимъ образомъ потеряли довольно много времени, прежде чѣмъ перебрались черезъ лавину и нашли на другой сторонѣ ея продолженіе тропы. Когда мы ѣхали по лѣсу, то насъ мочилъ не столько дождь, сколько вода, сыпанная съ каждаго задѣтаго нами деревца или вѣтки. Ко всему этому присоединился еще изрядный холодъ.

Часа въ два пополудни мы добрались до караулки. Въ нее дождь загвалъ цѣлую толпу рабочихъ—турокъ, мингрельцевъ, грековъ и т. д. Намъ почти нигдѣ было помѣститься, но десятникъ отдѣлилъ для насъ половину комнаты; я за это въ распоряженіе рабочихъ отдалъ свою валатку, которую они тотчасъ поставили около караулки. Дождь продолжался до самаго вечера, и потому мы принуждены были остаться въ караулкѣ ночевать. Вечеромъ передъ заходомъ солнца было 6° тепла, а на слѣдующій день, рано утромъ, только 4° С. Погода въ это время стала, однако, гораздо лучше, высокія горы очистились отъ облаковъ, но оказались все-таки не такими, какими мы видѣли ихъ раньше. Вѣсъ онѣ побѣлѣли и покрылись снѣгомъ, который вывалъ на нихъ въ то время, когда насъ мочилъ дождь.

Скажу еще нѣсколько словъ о ледникахъ и о животномъ мѣрѣ описанной мною мѣстности. Замѣтимъ, что во всей западной половинѣ Кавказа ледники южнаго склона Главнаго Кавказскаго хребта сильно уступаютъ по величинѣ лежащимъ противъ нихъ ледникамъ сѣвернаго склона. Такъ, напр., въ верховьяхъ Чхалты и Бзыби находятся лишь очень небольшіе фирнъ-глетчеры съ поверхностью не болѣе половины квадратной версты, тогда какъ на сѣверной сторонѣ хребта въ верховьяхъ В. Лабы мы встрѣчаемъ глетчеры уже среднихъ размѣровъ. Въ верховьяхъ Мзымты, Пелу

ха и Нузико на южномъ склонѣ Главнаго Кавказскаго хребта ледниковъ вовсе нѣтъ, въ верховьяхъ-же М. Лабы и ея притока Уруштена находится нѣсколько настоящихъ глетчеровъ длиною версты въ двѣ, а можетъ быть, и больше*). Въ верховьяхъ В. Зеленчука и Марухи мы встрѣчаемъ уже большіе глетчеры (Марухскій ледникъ имѣетъ почти 4 версты въ длину и до 600 сажень въ ширину); въ мѣстахъ-же, находящихся на одномъ съ ними меридианѣ на южномъ склонѣ Главнаго Кавказскаго хребта, есть только одинъ ледникъ, занимающій площадь, превышающую квадратную версту**). Вообще до меридіана $59^{\circ} 15'$ на южномъ склонѣ Главнаго Кавказскаго хребта нѣтъ ни одного сколько нибудь значительнаго глетчера, на сѣверномъ же склонѣ, кромѣ Марухскаго, мы встрѣчаемъ большіе ледники—Джаловчатскій, Адибекскій, Аманавскій и нѣкоторые другіе. Укажемъ еще и на то обстоятельство, что ледники сѣвернаго склона Кавказскаго хребта простираются на западъ гораздо дальше, чѣмъ ледники южнаго склона. Последній изъ нихъ находится, по наблюденіямъ г. Подозерскаго, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ Главнаго Кавказскаго хребта отдѣляется Цившскій отрогъ, восточнѣе перевала Цагеркеръ***). На сѣверномъ склонѣ ледники тянутся не только черезъ верховья В. Лабы, М. Лабы, Уруштена, но даже черезъ верховья Вѣлой до Финста и Оштена включительно, т. е. версты на 90 дальше, если считать разстояніе вдоль гребня Главнаго хребта.

Въ мѣстности, посѣщенной мною, я видѣлъ около десятка глетчеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ находятся на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ, другіе-же на его отрогахъ. Изъ послѣднихъ всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ очень маленькимъ и не спускающимся низко. По опредѣленію г. Подозерскаго, фирнъ-глетчеры отроговъ Главнаго хребта, ограничивающихъ верховья Атавела, Гумиеты и Бзыби, спускаются среднимъ числомъ до высоты 8200 ф. Приблизительно до такой же высоты или нѣсколько меньшей долины спускаются и видѣнные мною фирнъ-глетчеры отроговъ Глав-

*) Н. Динникъ, Верховья М. Лабы и Мамзты. Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XXII, выв. IV, стр. 31, 38, 39.

**) См. статью Подозерскаго „Слѣды и остатки ледниковъ въ верховьяхъ рр. Бзыби, Гумиеты и Атавела“ и приложенную къ ней карту.

***) О ледникахъ южнаго склона, которые лежатъ не на Главномъ хребтѣ, я не говорю. Они есть и въ верховьяхъ Мамзты на томъ хребтѣ, который ограничиваетъ долину ея съ лѣвой стороны (Верхов. М. Лабы и Мамзты, стр. 37). Къ нимъ принадлежатъ и ледникъ Убушь.

паго хребта. Больше значительные ледники верховья Клыча и Гвадры спускаются ниже. Но эти места замечательны из-за того отношения, что мы на них в первый раз встретимся, если будем подвигаться съ З. на В., на южном склоне Главного Кавказского хребта глетчеры средних размеров, которые смело могут быть причислены къ глетчерамъ 2-го разряда. Къ востоку отъ нихъ лежатъ истоки Секена, о ледникахъ которыхъ я не могъ найти никакихъ указаний, а еще дальше истоки Ингура, т. е. Сванетія, огромные ледники которыхъ известны весьма интересующимся Кавказомъ.

Изъ млекопитающихъ въ горахъ, окружающихъ ущелье Кодора и его притоковъ, встрѣчаются, какъ уже было отчасти замѣчено, медвѣди, дикіе кабаны, дикія козы, серны, туры, волки, лисицы, куницы, изрѣдка олени и т. д.

Медвѣди попадаются здѣсь на всемъ пространствѣ отъ берега моря и до недоступныхъ скалъ Главнаго Кавказскаго хребта. Слѣды ихъ на землѣ и на стѣнѣ мнѣ попадались даже въблизи Клухорскаго перевала. Нѣсколько штукъ медвѣжьихъ шкуръ я видѣлъ въ Чхалтѣ, въ конторѣ Максимовыхъ, и одну у дорожнаго мастера, который живетъ въ казармѣ, находящейся въблизи впаденія Клыча въ Кодоръ. Нѣкоторыя изъ шкуръ имѣли свѣтлый цвѣтъ, другія же отличались очень темнымъ цвѣтомъ. Дѣл изъ нихъ были очень порядочныхъ размѣровъ. Безъ сомнѣнія, здѣшніе медвѣди ничѣмъ не отличаются отъ медвѣдей Кубанской области. Дорожный мастеръ сообщилъ мнѣ, что онъ ежегодно убиваетъ здѣсь штукъ шесть медвѣдей. Серны встрѣчаются въ этихъ мѣстахъ довольно часто и держатся на всѣхъ высокихъ горахъ. Шкуру серны совершенно тождественную со шкурами серны Кубанской области, я также видѣлъ у дорожнаго мастера. Туры (*Sariga Sewerzowi Menzb.*) живутъ на скалахъ и горныхъ лугахъ Главнаго Кавказскаго хребта и его восточныхъ отроговъ; наоборотъ, дикія козы, волки и шакалы преимущественно въ нижней и средней части долины Кодора.

Изъ птицъ выше Чхалты, а также въ долинѣ Клыча и въблизи Клухорскаго перевала мы встрѣчали ильичихъ дроздовъ (*Turdus musicus* L.), которые по утрамъ и вечерамъ ибли здѣсь очень усердно; часто попадались также дрозды-дерибы (*Turdus viscivorus* L.), державшіеся по-преимуществу у верхней границы дѣсовъ, гдѣ растутъ одиночныя пихты и сосны. Они и здѣсь оказываются гораздо болѣе осторожными, чѣмъ ихъ родственники—

